

Драма исхода невесты-чувашки в обряде «Девичья баня»

Н. С. Волкович

В статье исследуется один из фрагментов чувашской свадебной обрядности – «Девичьей бане». С помощью сравнительного анализа предпринята попытка рассмотреть элементы обряда, определить направление их трансформации по отдельности и в целом. Представленный этнографический материал указывает на концептуальную сложность фигуры невесты. Для рода невесты и ее самой выход замуж является в полном смысле этого слова драмой. «Девичья баня» – один из ключевых обрядов в сценарии всей традиционной свадьбы. Немало элементов «Девичьей бани» дошли до нашего времени в виде реликтов. Традиционная свадебная обрядность декларирует идеи построения крепкого брака, которые еще не совсем вышли из обихода в наше время. Институт семьи был сформирован традиционной культурой, этнографические материалы демонстрируют его многосложность, отмечается сопряженность семейных ценностей с духовной системой традиции. Одной из задач статьи является интерпретация элементов свадебной обрядности для их обсуждения, вероятной полемики, т. е. в конечном счёте для их оживления и придания жизнеспособности. Предлагается не статичное изложение хронологического материала, а попытка расшифровать его для поиска онтологических основ феномена семьи.

Ключевые слова: экзогамия, чувашки, девичья баня, свадьба, традиция, семья.

Для цитирования: Волкович Н. С. Драма исхода невесты-чувашки в обряде «Девичья баня» // История повседневности. 2025. – № 3. – С. 122–140. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_122. EDN: KASPHV

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в традиционном свадебном обряде «Девичья баня» или «Невестина баня» является одним из примечательных этапов. Его исключительность заключается, с одной стороны, периферийностью или незначительностью интереса в научной литературе, с другой – сохранением её рудиментов в современной свадьбе. Это говорит о достаточной устойчивости ядерных элементов, хотя самобытная часть компонентов традиционной свадьбы ушла в небытие. Всё это в совокупности свидетельствует о высокой актуальности изучения столь важного и одновременно малоизученного обряда «Девичья баня».

Обрядовые действия девичьей бани освещаются в считанных публикациях. В классической этнографической литературе по чувашам XVIII–XIX вв. мы не найдём описания этой части. Получается, легче указать, где присутствует описание разбираемого обряда [1–4].

Соотношение свадебной обрядности и богатырских сказок о добывании невесты отражено в брошюре чувашского этнолога [5]. Основная часть материалов по теме хранится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН).

Так, упоминание о бане у П. П. Фокина трудно назвать описанием, тем более – анализом: «За день до свадьбы родители жениха и родители невесты топили баню. Помывшись, жених со своим другом верхом, а невеста с подругой в саях, с колокольчиком под дугой, разъезжали по деревне, приглашая на свадьбу» [2, с. 350]. Это всего пара строчек без конкретики. Ввиду вышеуказанного опуса мы вынуждены использовать сравнительный анализ. Как утверждает *nota bene* этнолога, реальность одинакова, различны только интерпретации.

Прежде всего должен возникнуть вопрос о культуре бани как таковой у чувашей. В любом случае целью данной статьи не является подробное освещение вопроса истории банной традиции или мытья. Однозначно можно сказать, что традиция банного мытья прочно включена в культуру на уровне как верований [3, с. 320–321, 373–374], так и ритуалов [6, с. 78; 7, с. 249–258]. Распространение культуры парового мытья у чувашей рассматривается в статье В. В. Медведева «Доместициро-

ванные объекты чувашей Республики Башкортостан и сопредельных территорий» [7]. Относительно верховых чувашей есть источники о распространении мытья в доме.

По итогу обзора историографии мы можем уверенно сказать, что этап «Девичьей бани» отражает исконную традиционную культуру чувашей.

Статья опирается на систему принципов историзма, системности и объективности. Конкретной теоретической основой работы является петербургско-ленинградская школа этнография (В. Г. Богораз, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, А. К. Салмин). Для достижения цели исследования применялись сравнительно-исторические и историко-типологические методы. Нами предложена следующая последовательность изложения материала: общая история происхождения бани в целом и для народов Поволжья в частности; хронологический обзор имеющихся источников и литературы по обряду у чувашей; сравнительный анализ составных элементов обрядности с другими народами; общие выводы.

Цель статьи – анализ предсвадебного обряда чувашей «Девичья баня» и определение тенденции его трансформации.

Девичья баня в чувашском варианте

Данный ритуал можно назвать кульминационным. И это вполне заслуженно. Потому что в действительности баня является местом, где происходили рубиконные процессы – новогодние гадания в *сурхури*, роды, мытье после похорон родственника и т. д.

Выше мы говорили о сохранности некоторых рудиментов вплоть до сегодняшнего дня. Перечислим только некоторые (табл. 1).

Таблица 1

Трансформация элементов обряда «Девичья баня»

<i>Источник в традиции</i>		<i>Рудименты в современности</i>
Подруги ловили веник, который кидала невеста в бане	→	Бросание букета невесты
Сбор девушек перед свадьбой		Девичник
Ритуал «Вопрошание имени»		Смена фамилии женщиной при вступлении в брак
Расплетание девичьей косы, удаление девичьей ленты		Укладывание свадебной причёски

Гигиенические процедуры в природных источниках являются отправной точкой истории мытья. Так, в источнике начала X в. упоминается о мытье в реках народами Волжской Булгарии (в том числе историческими предками чувашей – суварами): «Мужчины и женщины спускаются в реку и моются вместе голые, не закрываются один от другого и не совершают прелюбодеяния каким бы то ни было образом» [8, с. 137]. Считается, что на этапе проживания людей в землянках баня стала выделяться в отдельное сооружение, отсюда рудимент домашнего (печного) мытья [9, с. 10–11, 16–17], т. е. домашнее мытье – более древняя форма (относительно бани), когда дом и процесс мытья тела ещё были неделимы. Неслучайно в плаче мордовской невесты баня иногда заменяется домом. Вообще баня всегда относилась к сакральному локусу. И, как показывают авторские полевые исследования, одна баня у чувашей была изначально на несколько семей или на род. Семейная баня (на одну семью) появляется относительно позже.

Бани по-черному изначально строились, как правило, вне дворов, на отдалении, чтобы снизить риск от возможного пожара. Их ставили напротив домов, образуя как бы вторую (противоположную) линию улицы (рис. 1). Еще один вариант – у воды (у оврага) (рис. 2). Бани по-белому, которые появились значительно позже курных, были менее пожароопасными, поэтому их стали интегрировать в дворовые строения.

Рис. 1. Типичное расположение бань напротив усадеб через улицу в д. Егоркино Октябрьского р. ТАССР. Июнь 1984 г. Фото В. П. Иванова // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН). Отд. VIII. Ед. хр. 861, инв. № 7743 [10]

Рис. 2. Традиционное расположение бани в конце огорода у оврага. Алькеевский р. ТАССР. 1976 г. Фото Е. С. Сидоровой // ЧГИГН: Отд. VIII. Ед. хр. 601, инв. № 3990 [11]

Локация обряда «Девичьей бани» имеет совершенно прозрачные коннотации:

1. Баня – место, связанное с предками, первопредками [9, с. 16; 3, с. 203, 373–374; 12, с. 190–191, 195]. Место обитания духов рода и посещения предками, т. е. баня имеет прочную связь с потусторонним (недоместицированным) миром. Объективно баня – это место, куда домочадцы приходят на правах «гостей», так как там свои хозяева – духи.

2. Практически любой значительный ритуал у чувашей начинается с обряда очищения, т. е. с бани.

3. Баня – это то место, в котором происходят обряды перехода. Здесь рожали, проводили молодежные посиделки *улах* с эротическим контентом, иногда баня служила и локусом брачной ночи. Баню можно считать тем местом, где совершается «символическое уничтожение (отделение, расчленение) прежнего и “изготовление” нового человека» [13, с. 71].

Исследователи народов Поволжья и Приуралья (русских, тюркоязычных, финно-угров и других) указывают на следующие функции ритуала «Девичья баня»:

- прощание с девичьей волей;
- отчуждение от своих родовых божеств;

- отчуждение от своих предков. В том числе прощание невесты со своими предками на кладбище;
- отчуждение от своего рода – идея перерождения, символической смерти невесты в своём роду;
- оповещение о свадьбе до ушедших предков и родовых духов.

Практически всеми отмечается очевидная связь свадебных церемоний в целом с похоронно-погребальным ритуалом. Прослеживается сопряженность в самом порядке этапности в свадебной обрядности: прощание на кладбище → «Девичья баня» [9; 14; и др.]. В некоторых материалах встречается и обратная последовательность: баня, потом прощание на кладбище [15, л. 216–229].

В процессе ритуального мытья девушка, готовясь к переходу в «иной» мир – другую семью, окончательно прощалась с девичеством, смывала свою «волю» и «девичью шалость» [16, с. 13]. В бане невеста оставляла свою волю [17; 18]. Крайне сложно определить терминологию для диаметральных культур (традиционной и современной). Феномен «личность» в традиционной культуре разительно отличается от современного. Человек был неотъемлемой частью своего рода. В этнографических материалах: краса = красота = воля = собственное имя = хотелось бы сказать «Я» (для понимания современниками), но с оговоркой, что онтология этого термина в традиционном обществе отличалась. Первичное предназначение свадебной обрядности – это обыгрывание утраты родом части самого себя. Актуальность обрядности востребована прежде всего собственно родом. Родственный круг, наподобие клеточной структуры, должен был сформировать культуру (сценарий) выхода элемента из своей «плоти» для единственно актуальной цели – воспроизводства (народнения), т. е. продолжения жизни. Весь этот комплекс слов (краса, красота, воля, собственное имя) мы отождествляем с личностью невесты, с её эго, с самой себя. Нет терминологии в современности для коннотаций *человек-сегмент* рода. В бане действительно замыкался её жизненный цикл в рамках рода: символическая смерть и рождение невесты. Но «Девичья баня» – лишь один из этапов в системе (цепи) обрядов ухода из семьи и рода и прихода в другую семью и род. Во время ритуала же обыгрывались символические похороны. В роли покойной выступала девушка-невеста. Выход из своего рода понимался людьми традиционного склада как смерть, т. е. конец жизни в своем роду.

Не лишним будет здесь цитата о фате невесты: «Ослепление – традиция покрывания головы невесты платком или покрывалом... Ослепляли невесту потому, что в момент свадьбы она становилась мертвецом среди живых, то есть она умирает для своей семьи и рождается в семье мужа» [19, с. 21–25]. Для некоторых исследователей сам цвет фаты имеет траурные коннотации, были зафиксированы случаи ношения невестой масок умерших и т. д. [20]. Добавим, что термин «*невеста*» буквально означает *никто* (неизвестная, невесть кто, неведомая и т. д.).

У чувашей во время «Девичьей бани» подружки стегают невесту венниками до тех пор, пока она не произнесет имя жениха. Чем дольше она терпит и не произносит имя жениха, тем лучше с точки зрения традиции [1; 3, с. 151]. Можно предположить, что это есть исток современной угасающей традиции, смены фамилии девушкой при вступлении в брак. О противлении невесты в этом обряде подробнее см. [4, с. 54–56].

Так, В. С. Бузин предлагает взглянуть на этот момент немного под другим ракурсом. Он считает, что «Вопрошание имени» представляет собой реликт некогда бытовавшей практики похищения невесты [21]. Имеется в виду, что при свадьбе умыканием, т. е. воровством, девушка узнаёт имя жениха уже в ситуации похищения. Выработка брачных норм совершенно определенно начиналась с договора между родовыми группами [22]. Диалог об экзогамном обмене явно возник после череды конфликтов между этими группами (ещё в статусе *дородовых*) [23]. Поэтому, по идее В. С. Бузина, в этом случае могла произойти трансформация нарративов свадьбы умыканием в уже обычную традиционную свадебную обрядность, которая и возникла на базе традиции воровства невест, т. е. того, что было. Обряд «Вопрошание имени» в рамках «Девичьей бани» уместно интерпретировать следующим образом: здесь происходит утрата девушкой-невестой своего эго, которое некогда было едино с родом и после символической смерти происходит обретение уже иного эго (называется имя жениха), сопряженного (равного) роду жениха. Высказанная В. С. Бузиным мысль добавляет факты в историю процесса рождения семьи, т. е. фиксирует отправную точку экзогамии – конфликт, что ранее позиционировалось наукой, как правило, в качестве догадок.

Важно, что мы не одиноки на пути воссоздания истории брака через логику обрядности. Исследователям совершенно

очевидно, что родня именно хоронит невесту (т. е. прощается с ней навсегда, выводит из «списка» рода и семьи), отдавая замуж. Но при каких условиях такая традиция могла возникнуть? Ответ один – в условиях конфликта между племенами (невест получали угоном, воровством и пр.) [24, с. 6]. Естественно, что следующим этапом данный процесс был формализован. И свадебная обрядность этому наглядное свидетельство.

Особенностью трансформации традиции является стремление сохранить составные кубики-элементы былой обрядности с максимально возможной силой, но с обязательным соответствием современным обстоятельствам. Новое всегда трансформируется из старого. Это можно отнести в данном случае и к эпизоду «Вопрошания имени».

Выше мы отмечали скудность этнографических материалов по рассматриваемому обряду. Поэтому предлагается вниманию читателя сводная таблица по данному обряду разных народов, в том числе чувашей (табл. 2). Процесс синкретизма традиционных верований чувашей и русских отмечается большим количеством источников. В этой связи сравнительный анализ чувашей с народами с развитой культурой бани ввиду особенностей климата представляется перспективным.

Таблица 2

Элементы обряда «Девичья баня»

Элемент	Чуваши	Русские	Карелы	Мордва	Поморы	Коми	Пудожье
Время и очередность этапа	Изначально накануне, позднее – утром в день свадьбы	Накануне или утром в день свадьбы	Накануне или утром до приезда жениха	Перед свадьбой обязательно	Накануне.	Утром в день свадьбы	После посещения невестой кладбища для прощания
Плач невесты	Да	Да	Обязателен. слезливая баня. Связь с похоронами	Да	Да	Да	Да
По просьбе невесты топят баню			Да				
Подчеркивается опасность захвата женихом			Да				

Манипуляции с волосами		Да	Да			Да	
Особенность дров	Да		Да			Да	
Особенность воды	Ключевая вода из трёх мест.		Проточная, ключевая, дождевая и пр.				
Наличие веника	Да	Да (бросала веник не глядя). / Не должно быть веника					
Свойства веника	Да	Ускоряет выход замуж	Ускоряет выход замуж. Особенность заготовки: нельзя рубить ветки - только ломать. Время сбора - летние Святки или Иванова ночь. Состав, часть дерева, сорт деревьев также особенны				
Состав - только девушки	Да (женщин не должно быть) / Нет		Нет	Нет			
Обрядовая идентичность похоронам	Да	Да	Да		Да		
Невесту ведут в баню	Да		Да				
Обрядовое выделение окон и дверей бани			Да				
Обрядовый акцент воли и имени	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Эротический контекст	Да		Минимум				
Интерпретация девственности			Да				

Соприкосновение продуктов и воды с телом невесты для использования в свадебном угощении		Да	Да				
Ритуальная пища, которая указывает на дефлорацию невесты					Да – Баенник (байник)		
Обереги (оберегающая функция)	Да	Да		Да			Да
После встреча или еда со стороны жениха			Да				
Избегание в обряде негативных персон: вдовы, сироты и пр.			Да		Да		
Источники	[1; 3].	[20; 14; 21; 19; 16].	[18; 9].	[29; 18].	[16].	[30].	[17].

Отметим, что пропуск в табл. 2 не означает, что данного элемента нет, просто он не упоминается, но и не отрицается в силу обстоятельств. «Нет» – источник прямо отрицает наличие элемента, «Да» – подтверждается его наличие. В табл. 2 можно рассмотреть устойчивые элементы исследуемого обряда (строчки имеют выделение): «Время и очередность этапа»; «Плач невесты»; «Обрядовый акцент воли и имени»; «Обереги (оберегающая функция)». Единство элемента «Время и очередность этапа» указывает на смысловую идентичность обряда в разных этнических культурах.

Элементы «Плач невесты», «Обрядовый акцент воли и имени». Смысл плача – причитания девушки о собственной кончине в своём роду. При манипуляциях с волей и именем, как указывалось выше, обыгрывается тот же процесс смерти. Явная схожесть обряда «Девичьей бани» с похоронами – это результат

трансформации представления о неминуемой «гибели» вне локуса рода. Где-то это прослеживается с сильным акцентом, а где-то уже в виде едва уловимых намеков, ибо трансформация культуры неоднородна в пространстве и во времени.

В расстановке элементов обрядности обращает на себя внимание вариативность состава ритуальных элементов в «Девичьей бане». В этом случае давление оказывают следующие факторы: этническая (локальная) интерпретация, угасание / трансформация обрядности и, наконец, невнятность самих источников: «По содержанию ряда источников не всегда понятно, в какой момент эти действия производились» [25, с. 288]. Например, «Манипуляции с волосами»: здесь (табл. 2) нами вынужденно объединены расплетение волос (девичьей косы), снятие ленточки, формирование замужней прически и т. д. В некоторых источниках прямо фиксируется девичья лента и смена прически, где-то вскользь упоминается только лента и т. д. В источниках по «Девичьей бане» у чувашей отсутствует информация о каких-либо ленточках в волосах молодой. В целом фиксируются сведения о косе и косах [26]. Мы можем только предположить: концы косы обязательно должны быть зафиксированы лентой (резинки и другие пластиковые фиксаторы появились намного позже). В любом случае мы понимаем, что поход в баню для девушки обязательно сопряжен с действиями в отношении её волос. Косу необходимо расплести хотя бы для мытья. У чувашей одна коса у девушки и две косы у женщины: после брачной ночи волосы уже заплетаются в две косы.

«Особенность воды». Если чуваша окатывание невесты совершают *трижды*, то иные народы делают акцент на тройственности источников воды. В обряде «Хождение за водой» у чувашей тождественно обыгрывается окатывание водой *трижды* – молодая после свадьбы обязана *трижды* пролить воду, почерпнутую из ключа [3, с. 166]. Должно быть, существует некая связь между этим проливанием *трижды* и собиранием воды из трёх источников. Определенная территория выражается в том числе и через духов воды, которые могли быть представлены через три ипостаси: проточная, ключевая и дождевая воды; или три разных источника в рамках локации. Так или иначе, очевидно, что в обоих случаях происходит оповещение духов (хозяев) воды, которые априори связаны с этим местом, т. е. с родовой территорией.

«Особенность веника». Здесь особый интерес представляют параллели запрета: резать свадебный хлеб у чувашей и запрет резать ветки для свадебного веника на карельской свадьбе. На русской и карельской свадьбах невеста не глядя бросала этот веник подругам – кто его поймает, та и выйдет скоро замуж. Совершенное сходство с современным бросанием букета современной невестой. Удивительно, что слово «веник», помимо очевидного, означает на современном жаргоне букет цветов.

Последняя параллель, на которую следует обратить внимание, это «Ритуальная пища, которая указывает на дефлорацию невесты». У поморов традиция баенника имеет подтекст распечатывания девушки. Точно такая же логика присутствует в свадебном ритуале чувашей «Девичья салма».

В некоторых элементах у конкретных народов по разным источникам указаны диаметрально противоположные сведения:

У чувашей. «Состав – только девушки»: Женщин не должно быть / Только девушки. Необходимо поставить определенный акцент на этом моменте.

В статье Н. Лейхтфельда (1903) указывается: «На каменку вместо воды льют пиво, причем всякий раз приговаривают:

*Чибер пурань,
Ирлыкь пулда,
Ача пьча пулдарь-че!*
“Живи хорошо, будь счастлива, рожай детей!”

Последнее пожелание (*Ача-пйча пултйрчй!*) говорят невесте одни женщины, так как девушки из скромности об этом умалчивают» [1].

Исходя из этого текста, в бане должны присутствовать и женщины. Как видно из табл. 2 и судя по источникам, присутствие для женщин не лимитируется на карельской свадьбе и у мордвы. Тем не менее архивные источники по чувашам на конец XIX – начало XX в. именно акцентируют обратное: «В такой бане не моется ни одна женщина, поэтому и называют ее *хёр мунчи* “Девичьей баней”» [15, л. 4]. Схожесть подобного объяснения настолько идентична с разбираемым ранее пассажем Александры Фукс относительно проезда свадебного поезда, что просто ограничимся ссылкой на подробный анализ: [22,

с. 47–48]. Указание по архивным данным на присутствие только девушек см. также: [27, л. 216; 28, 15, л. 212; и др.].

Архивные записи по присутствию только девушек повторяют друг друга и восходят к более ранним годам (около 1885 г.). Поэтому по всем канонам верификации данных их мы обязаны принять за исходные. Удивительно наблюдать за столь интенсивной трансформацией: всего за каких-то 20 лет информанты не помнят, что женщины не могут присутствовать на «Девичьей бане». Причина проста – утрата смыслов [22, с. 47–48].

Повод для появления женщины в обряде может быть только один – она наставница. Будучи когда-то девушкой-невестой, эта женщина сама принимала участие в церемонии и теперь объясняет/показывает девушкам (возможно, дочерям или племянницам) как надо. И опять-таки ещё одна причина появления наставницы – относительная редкость свадеб для времени и места данного этнографического очерка. Н. Лейхтфельд в самом начале XX в. рассказывал о чувашах, проживавших на правом берегу Волги: найти жениха той же веры было непросто для невесты. В таких условиях вынуждены были искать пару на большом расстоянии [22, с. 40].

Вообще при традиции играть свадьбы во время летних поминаний усопших родственников *симёк* не исключено, что в предбрачном мытье вместе с невестой могли быть несколько подруг. Об одновременном мытье нескольких невест не может быть речи, ибо это запутывает не только семьи, и роды. Так естественным образом обеспечивалась преемственность обряда. Девушки наглядно видели, что и как делать, далее в качестве невест передавали знания уже своим приятельницам и т. д. В условиях вынужденного отдельного проживания, слома традиции выходить замуж в соседнее село, разрушения единого времени свадеб на *симёк* традиция интенсивно угасает.

Появление фигуры наставницы по сути должно противоречить здравому смыслу традиции, а точнее – смыслу обрядности. В ходе «Девичьей бани» происходит процесс выделения / выхода – прощание с божествами рода и предками. Наставница же пришла из другого рода в эту семью (род). Она, на первый взгляд, по определению не имеет права участвовать в подобных сакральных действиях. Но она, будучи невестой, в своей родной деревне отделилась от своих родовых божеств и пред-

ков. Процесс «вживления» женщины в род мужа занимает десятилетия – некоторые исследователи считают, что вплоть до постклиматического возраста. Но она почему-то принимает участие в таком сакральном ритуале, в деревне мужа, где она символически перерождается, интегрировалась в мир рода мужа. Фигурирование ее в качестве наставницы, на наш взгляд, говорит о трансформации традиции: «обрядовые элементы, утратив свои начальные функции, приобрели иной, как правило, символический смысл» [20, с. 32]. По этнографическим материалам, традиция предписывала состав: только девушки, которые в скором времени должны покинуть этот род.

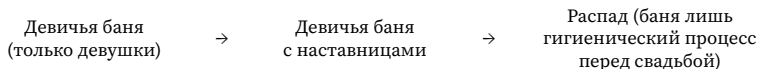
Элемент «Обереги (оберегающая функция)». Здесь сгруппированы ритуалы, которые дают невесте защиту от будущих бед и программируют её судьбу на позитивный сценарий. Чуть выше говорилось, что отсутствие понимания цементирует ритуал и сакрализирует его. Появляется формула обряда, которую нужно исполнить на подобии рецепта волшебного зелья. На вопрос почему, самый простой ответ: чтобы не было бед и все было хорошо. Именно поэтому данный элемент в табл. 2 имеет широкое распространение. Понимание важности символики выхода невесты из своего рода носителями культуры заменяется фантомным магическим ритуалом с сакральным сценарием. Устойчивость элемента фиксируется практически по всем этническим группам, что говорит о единой точке невозврата для всех культур, объединенных общей исторической судьбой в рамках одной социально-экономической системы.

Обсуждение и выводы

Ритуал «Девичья баня» при поэлементном сравнительном анализе научной литературы и архивных материалов представляет собой фрагмент доформирования обрядностью образа невесты в пространстве её рода (среди живых, ушедших и божеств). Символическая смерть невесты обыгрывается максимально комплементарно для сферы отеческого рода. Логика и сценарное место обрядности в свадьбе полностью выполняют свои задачи по выходу девушки из собственного рода на всех уровнях (отсюда – рудиментарное единство с чувашским семейно-родовым семик (*симёк*) и посещением кладбища). Баня как место конкретных событий призвана разыграть «похоро-

ны» невесты в родном роде, а её перерождение в чужом роду обыгрывается свадьбой уже далее.

Трансформационная цепочка обряда выглядит следующим образом:

Первичное предназначение свадебной обрядности (система координат свадьбы) – это обыгрывание утраты родом части самого себя. Актуальность обрядности востребована прежде всего собственно родом. Он наподобие клеточной структуры должен был сформировать культуру (сценарий) выхода элемента из своей «плоти» для единственно актуальной цели – воспроизводства, т. е. жизнеобеспечения. Свадьба является драмой с обоюдным движением: для самого рода невесты это утрата собственной целостности, для невесты – выход из родного мира, т. е. «смерть» = инициация. Позиция стороны жениха на данном этапе это угроза, противник, враг.

Основным лейтмотивом сценария традиционной свадьбы является детерминанта экзогамного договора. Данный договор и сформировал семейную традицию, в т. ч. и табу. Его эффективность доказана историей: для традиционных культур феномен нарождения является неотъемлемым свойством. Необходимо понимать, что мы относительно недавно находимся в точке отсутствия этого договора. Трансформация экзогамного договора является основной причиной изменений всей свадебной обрядности в целом и отдельных обрядов в частности. Субстрат этнографических знаний в этих условиях приобретает особенную ценность – в них таится очевидное решение выхода из кризиса института брака.

Список литературы

1. Лейхтфельд Н. Масляница и свадебные обряды у чуваш // Вокруг света. 1903. № 6. С. 87–90.
2. Фокин П. П. Брачная обрядность чувашей Самарской Луки (По материалам комплексной экспедиции ЧНИИ 1971 г.) // История и культура Чувашской АССР Сб. ст. Вып. 2. Чебоксары НИИ. 1972. С. 344–356.

3. Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 687 с. EDN: WZCANR
4. Волкович Н. С. Чувашская свадьба как семейно-родовая церемония // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 48–58. EDN: YTOOSZ
5. Салмин А. К. Сказка – обряд – действительность: историко-типологическое изучение чувашского текста. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 142 с.
6. Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Казан. ун-т, 1840. 329 с.
7. Медведев В. В. Доместцированные объекты чувашей Республики Башкортостан и сопредельных территорий. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2020. 336 с. EDN: XGMDXB
8. Ибн-Фадлан. Книга // Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. Харьков: Харьков. ун-т, 1956. С. 119–148.
9. Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 408 с. EDN: XALFZP
10. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН). Отд. VIII. Ед. хр. 861, инв. № 7743.
11. ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 601, инв. № 3990.
12. Кондратьева Е. В. Празднично-обрядовые традиции в общественной жизни чувашей и удмуртов. СПб.: Нестор-История, 2021. 256 с. EDN: AAGURS
13. Вайбурич А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
14. Михеева Л. Н., Джибочная М. А. Русская и украинская свадьбы в контексте восточнославянского фольклора: традиции, обряды, песни, костюм // Культурное наследие России. 2021. № 3(34). С. 52–56. EDN: DRONFD
15. ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 623: 4, 212, 216–229.
16. Дьячкова И. Н. Свадебный хлеб байник у поморов: культурно-языковой аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46. № 6. С. 8–15. EDN: CWJCHK
17. Кузнецова В. П. Свадебная обрядность Пудожья // Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера: материалы Региональной научной конференции, Пудож, 07–09 сентября 2006 г. / отв. ред. Ю. А. Савватеев. Пудож: Карельский научный центр РАН, 2006. С. 214–223. EDN: TKRMSD
18. Корнишина Г. А. Предсвадебная обрядность финно-угорских народов в контексте теории А. ван Геннепа // Вестник Мордовского университета. 2014. № 3. С. 121–128. EDN: SPLIBL
19. Быченко У. М., Хомич Н. В. Славянские традиции в современной русской свадьбе // Патриотизм как национальная идея России: Материалы III научно-практической региональной конференции студентов с международным участием, посвященной 90-летию Иркутского аграрного университета им. А. А. Ежовского, Иркутск, 03 мая 2024 г. п. Молодежный: Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежовского. 2024. С. 21–25. EDN: WJDRFA
20. Еремина В. И. К вопросу об истоках и общности представлений о свадебной и погребальной обрядности: «Невеста в черном» // Русский фольклор: материалы и исследования. 1987. Т. 24. С. 21–32. EDN: YVTXMT
21. Бузин В. С. Обряд «вопросания имени» русской свадебной традиции как реликт похищения невесты // Манускрипт. 2024. Т. 17. № 2. С. 92–97. EDN: ICIOEQ
22. Волкович Н. С. Трансформация предсвадебных обрядов перехода невесты-чувашки в чужой род. СПб.: ООО "Издательство "ЛЕМА", 2024. 270 с. EDN: RTMKYU
23. Шалютин Б. С. Экзогамия: тайна происхождения и роль в конституировании человека // Саливоника. Курган. 2009. С. 135–146. EDN: ZVJRYD
24. Илтакова Н. В. Происхождение брака и семьи: значение исследований Ю. И. Семёнова // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2019. Вып. 3. С. 5–15. EDN: QOUUBW
25. Бузин В. С. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области): материалы и исследования. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2015. 640 с. EDN: LXMAQH

26. Петров И. Г. Покрывало невесты в свадебной обрядности чувашей: функции и семантика // Известия Уфимского научного центра Российской Академии наук. 2016. № 4. С. 110–114. EDN: XEGHXV

27. ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 149.

28. ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 332: 95.

29. Кандрина И. А., Никонова Л. И. Баня и Север: к истории вопроса и традициям культуры // Арктика и Север. 2011. № 4. С. 51–75. EDN: OKFVCH

30. Шлопова Э. Ю. Как в старину мои предки свадьбу играли: семейная обрядность коми // Этнодиалоги. 2023. № 1(70). С. 187–193. EDN: MYULGG

The Drama of the Chuvash Bride Exodus in the Maiden Bath Ceremony

Nikita S. Volkovich

The article is devoted to a fragment of the Chuvash wedding ceremony "Maiden bath". Using comparative analysis, the author attempts to consider the elements of the ritual, to determine the direction of their transformation individually and as a whole. The presented ethnographic material indicates the conceptual complexity of the bride's figure. For the bride's family and the bride herself, getting married is a drama in the truest sense of the word. The "Maiden bath" is one of the key rituals in the scenario of the entire traditional wedding. Many elements of the "Maiden bath" have come down to our time in the form of relics. The traditional wedding ceremony declares the ideas of building a strong marriage, which have not yet completely gone out of use in our time. The institution of the family was formed by traditional culture. Ethnographic materials demonstrate the complexity of this institution, the conjugation of family values with the spiritual system of tradition is noted. One of the article objectives is to interpret the elements of wedding rituals for their discussion, probable controversy, for their revitalization and viability. The author offers not a static presentation of chronological material, but an attempt to decipher it in order to search for the ontological foundations of the family phenomenon.

Key words: exogamy, Chuvash, Maiden bath, wedding, tradition, family.

For citation: Volkovich, N. S. (2025) Drama ishoda nevesty-chuvashki v obryade «Devich'ya banya» [The Drama of the Chuvash Bride Exodus in the Maiden Bath Ceremony]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 122–140. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_122. EDN: KASPHV

References

1. Lejhtfel'd, N. (1903) Maslyanica i svadebnye obryady u chuvash [Maslenitsa and wedding ceremonies among the Chuvash]. *Vokrug sveta* [Around the World]. No. 6. Pp. 87–90. (In Russ.)

2. Fokin, P. P. (1972) Brachnaya obryadnost' chuvashej Samarskoj Luki (Po materialam kompleksnoj ekspedicii ChNII 1971 g.) [Marriage rituals of the Chuvash people of Samara Luka (Based on the materials of the comprehensive expedition of the ChNII in 1971)]. *Istoriya i kul'tura Chuvashskoj ASSR* [History and culture of the Chuvash ASSR]. Collection of articles. Issue 2. Cheboksary NII. Pp. 344–356. (In Russ.)

3. Salmin, A. K. (2016) *Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda* [Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo. (In Russ.). EDN: WZCANR

4. Volkovich, N. S. (2017) Chuvashskaya svad'ba kak semejno-rodovaya ceremoniya [The Chuvash wedding as a family and ancestral ceremony]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. No. 2. Pp. 48–58. (In Russ.). EDN: YTOOSZ

5. Salmin, A. K. (1989) *Skazka – obryad – dejstvitel'nost': istoriko-tipologicheskoe izuchenie chuvashskogo teksta* [Fairy Tale – ritual – reality: historical and typological study of the Chuvash text]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo. (In Russ.)

6. Fuks, A. (1840) *Zapiski o chuvashah i cheremisah Kazanskoj gubernii* [Notes on the Chuvash and Cheremis of the Kazan province]. Kazan: Kazan. un-t. (In Russ.)

7. Medvedev, V. V. (2020) *Domesticirovannye ob'ekty chuvashej Respubliki Bashkortostan i sosed'nyh territorij* [Domesticated objects of the Chuvash Republic of Bashkortostan and adjacent territories]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.). EDN: XGMDXB

8. Ibn-Fadlan, (1956) *Kniga* [Book]. Kovalevskij A. P. *Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [Kovalevsky A. P. Book of Ahmed Ibn Fadlan about his journey to the Volga in 921–922]. Har'kov. un-t. Pp. 119–148. (In Russ.)

9. Ivanova, L. I. (2016) *Karel'skaya banya: obryady, verovaniya, narodnaya medicina i duhi-hozyaeva* [Karelian banya: rituals, beliefs, traditional medicine and host spirits]. Moscow: Russkij fond soedestviya obrazovaniyu i nauke. (In Russ.). EDN: XALFZP

10. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities] (hereinafter – ChGIGN). Otd. VIII. Ed. hr. 861, inv. № 7743

11. ChGIGN: Otd. VIII. Ed. hr. 601, inv. № 3990.

12. Kondrat'eva, E. V. (2021) *Prazdnichno-obryadovye tradicii v obshchestvennoj zhizni chuvashchj i udmurtov* [Festive and ceremonial traditions in the social life of the Chuvash and Udmurts]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.). EDN: AAGURS

13. Bajburin, A. K. (1993) *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural-semantic analysis of East Slavic rituals]. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)

14. Miheeva, L. N., Dzhichonaya, M. A. (2021) *Russkaya i ukrainskaya svad'by v kontekste vostochnoslavjanskogo fol'klora: tradicii, obryady, pesni, kostyum* [Russian and Ukrainian weddings in the context of East Slavic folklore: traditions, rituals, songs, costume]. *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural heritage of Russia]. No. 3(34). Pp. 52–56. (In Russ.). EDN: DRONFD

15. ChGIGN: Otd. I. Ed. hr. 623: 4, 212, 216–229

16. D'yachkova, I. N. (2024) *Svad'bennyj hleb bajnik u pomorov: kul'turno-yazykovoj aspekt [Wedding loaf among the Pomors: cultural and linguistic aspect]. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk state university]. Vol. 46. No. 6. Pp. 8–15. (In Russ.). EDN: CWJCHK

17. Kuznecova, V. P. , (2006) *Svad'bennaya obryadnost' Pudozh'ya* [Pudozh wedding ceremony]. *Istoriko-kul'turnye tradicii malyh gorodov Russkogo Severa: materialy Regional'noj nauchnoj konferencii, Pudozh, 07–09 sentyabrya 2006 goda* [Historical and cultural traditions of small towns of the Russian North: materials of the Regional scientific conference, Pudozh, September 7–9, 2006]. Pudozh: Karel'skij nauchnyj centr RAN. Pp. 214–223. (In Russ.). EDN: TKRMSD

18. Kornishina, G. A. (2014) *Predsvadebnaya obryadnost' fino-ugorskih narodov v kontekste teorii A. van Gennepa* [The pre-wedding rituals of the Fino-Ugric peoples in the context of the theory of A. van Gennep]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of the Mordovian University]. No. 3. Pp. 121–128. (In Russ.). EDN: SPLIBL

19. Bychenko, U. M., Homich, N. V. (2024) *Slavyanskije tradicii v sovremennoj russkoj svad'be* [Slavic traditions in modern Russian wedding]. *Patriotizm kak nacional'naya ideya Rossii: Materialy III nauchno-prakticheskoy regional'noj konferencii studentov s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 90-letiyu Irkutskogo agrarnogo universiteta im. A. A. Ezhevskogo, Irkutsk, 03 maya 2024 goda* [Patriotism as a national idea of Russia: Proceedings of the III scientific and practical regional conference of students with international participation, dedicated to the 90th anniversary of the Irkutsk Agrarian University named after A. A. Ezhevsky, Irkutsk, May 03, 2024]. *Molodezhnyj: Irkutskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet im. A. A. Ezhevskogo*. Pp. 21–25. (In Russ.). EDN: WJDRFA

20. Eremina, V. I. (1987) *K voprosu ob istokah i obshchnosti predstavlenij o svadebnoj i pogrebal'noj obryadnosti: «Nevesta v chernom»* [On the question of the origins and commonality of ideas about wedding and funeral rituals: «The Bride in black»]. *Russkij fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian Folklore: Materials and Research]. Vol. 24. Pp. 21–32. (In Russ.). EDN: YVTXMT

21. Buzin, V. S. (2024) Obryad «voproshaniya imeni» russkoj svadebnoj tradicii kak relikv pohlshcheniya nevesty [The ceremony of “asking for the name” of the Russian wedding tradition as a relic of bride abduction]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 17. No. 2. Pp. 92–97. (In Russ.). EDN: ICIOEQ

22. Volkovich, N. S. (2024) *Transformaciya predsvadebnyh obryadov perekhoda nevesty-chuvashki v chuzhoj rod* [Transformation of the pre-wedding rites of the Chuvash bride's transition to a foreign family]. St. Petersburg: LEMA. (In Russ.). EDN: RTMKYW

23. Shalyutin, B. S. (2009) Ekzogamiya: tajna proiskhozhdeniya i rol' v konstituirovanii cheloveka [Exogamy: the mystery of origin and its role in human constitution]. *Salivonica* [Salivonica]. Kurgan. Pp. 135–146. (In Russ.). EDN: ZVJRYD

24. Iltakova, N. V. (2019) Proiskhozhdenie braka i sem'i: znachenie issledovaniy Yu. I. Semenova [The Origin of marriage and family: the significance of Yu. I. Semenov's research]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yurisprudenciya* [Bulletin of the Buryat State University. Jurisprudence]. Iss. 3. Pp. 5–15. (In Russ.). EDN: QOUUBW

25. Buzin, V. S. (2015) *Rozhdenie, vstuplenie v brak i smert' v tradicionnoj yuzhnorusskoj obryadnosti (Lipeckaya, Tambovskaya, Penzenskaya oblasti): materialy i issledovaniya* [Birth, marriage, and death in the traditional South Russian rite (Lipetsk, Tambov, and Penza regions): materials and research]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.). EDN: LXMAQH

26. Petrov, I. G. (2016) Pokryvalo nevesty v svadebnoj obryadnosti chuvashkej: funkcii i semantika [The bride's veil in the wedding ceremony of the Chuvash: functions and semantics]. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra Rossijskoj Akademii nauk* [Bulletin of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. No. 4. Pp. 110–114. (In Russ.). EDN: XEGHXV

27. ChGIGN. Otd. I. Ed. hr. 149.

28. ChGIGN. Otd. I. Ed. hr. 332: 95.

29. Kandrina, I. A., Nikonova, L. I. (2011) Banya i Sever: k istorii voprosa i tradiciyam kultury [Banya and the North: towards the history of the issue and cultural traditions]. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. No. 4. Pp. 51–75. (In Russ.). EDN: OKFVCH

30. Shlopova E. Yu. (2023) *Kak v starinu moi predki svad'bu igrali: semejnaya obryadnost' komi* [How my ancestors used to play a wedding in the old days: Komi family rituals]. *Etnodialogi* [Ethnological]. No. 1 (70). Pp. 187–193. (In Russ.). EDN: MYULGG

Об авторе

Волкович Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, Музей политической истории России, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: nvolk@mail.ru; ORCID ID: 0009-0007-2245-9348

About the author

Volkovich Nikita S., Candidate of Historical Sciences, Museum of Political History of Russia, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: nvolk@mail.ru; ORCID ID: 0009-0007-2245-9348

Статья поступила в редакцию 25.04.2025

Одобрена после рецензирования 29.07.2025

Принята к публикации 04.08.2025